

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Литературно-художественный журнал
писателей Узбекистана

7—8

ИЮЛЬ—
АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сабит МАДАЛИЕВ
главный редактор

Марат
АВАЗОВ

Карим
ЕГЕУБАЕВ

Райхат САДЫКОВ
ответственный
секретарь

Алексей
УСТИМЕНКО

Лейла
ШАХНАЗАРОВА

ПРОЗА

Алексей Устименко. Странствующие
в золотом мираже. Исторический роман.....25
Сергей Тимофеев. Для кафе Пилс.....160

ПОЭЗИЯ

Ибрагим Гафуров. Стихи.....155
Вадим Муратханов. Стихи.....156
Владимир Кучерявкин. Стихи.....157

ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН

Павел Цветков. С предопределением.....3

ИЗ ОПЫТА МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

Форд Мэдокс Форд. Стихи.....23

МИР ЕДИН: ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ СЕГОДНЯ

Кирэн Карсон. Стихи.....97
Жюльен Блэн. Стихи.....99
Кристоф Таркос. Стихи.....103
Оливье Девер. Стихи.....105
Из канадской поэзии.....127

ЛОТОС

Шри Шанкарачарья. Вивекачудамани.....107

ИЗДАЁТСЯ
С 1932 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Абдухалик
АБДУРАЗАКОВ
Абдуманат
АЛИМБАЕВ
Шавкат
АЛИМОВ
Владимир
ВАСИЛЬЕВ
Мухсин
ГАНИЕВ
Валерий
ГЕРМАНОВ
Светлана
ГОРШЕНИНА
Пиримкул
КАДЫРОВ
Сайдулла
КАСЫМОВ
Михаил
КОСТЕЦКИЙ
Николай
КУЧЕРСКИЙ
Нина
ЛЫСАКОВА
Борис
МАЦКИН
Джура
ПАЙЗИ
Лемарен
ПАК
Талиб
САИДБАЕВ
Сергей
СТРОГИЙ
Валерий
ТАТЕОСОВ
Валерий
ТОВАРОВСКИЙ
Шоир
УСМАНХОДЖАЕВ
Пулат
ХАБИБУЛЛАЕВ
Шакасым
ШАИСЛАМОВ
Геннадий
ШТЕРН

СТАРИННЫЙ МАНУСКРИПТ

Цветник духовный.....132

ОТРАЖЕНИЯ ЗЕРКАЛ

Светлана Горшенина. Магические арабески.....137

КАРАВАН ВЕКОВ

Раджаб Исламбек. Минарет.....146

ИСКУССТВО ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

Геннадий Богомолов.
Дракон с головой свиньи.....162

КОСМОС. ЖИЗНЬ. ЧЕЛОВЕК

Энциклопедическое изложение Масонской,
Герметической, Каббалистической
и Розенкрейцеровской Философии.....169

GAUDEAMUS IGITUR

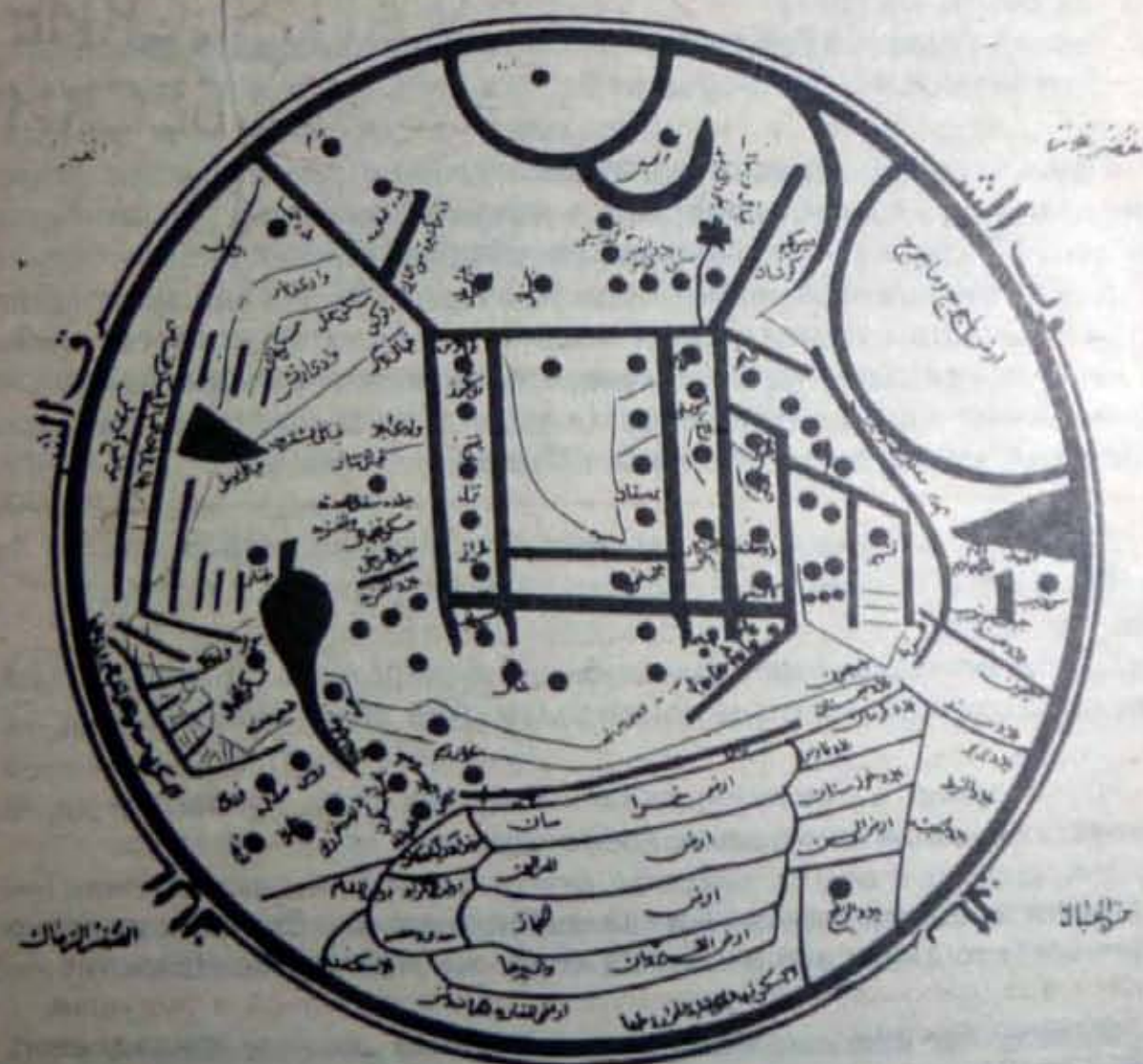
Майкл Маклашевич. Философия сё.....179

ВЫМЫСЛЫ И ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

Сергей Спирихин. Уличный роман.....190

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА

МАГИЧЕСКИЕ
АРАБЕСКИ

Воссозданный из праха, человек боится очутиться вне земли. Без твёрдой почвы под ногами он себя не мыслит. Он боится потерять её. Его страшит пустота, которая может возникнуть неизвестно где и неизвестно когда, — ощущение, так хорошо описанное Сартром...

Пусто — светло — необозримо — покойно — вечно... Нет, не его мир. И, приходя на землю, он стремится оградить себя от повсюду подкарауливающей пустоты: он придумывает имена для своей Вселенной. Ибо мир неназванный — не существует. Или же — существует, но где-то вне... Мир наречённый — твой. Давая имена птицам, животным, цветам, морям, пустыням и рекам, человек присваивает себе макрокосм, становится его повелителем. Но чтобы властвовать, мало дать имя. Нужно создать видимый знак, принципиально отличный от реального мира, однако заключающий в себе его тайную суть. И появляются иероглифы, пиктограммы, цифры — хрупкий бисер той игры, в которую с древности играет человечество.

Эти знаки — образ покорённого и освоенного мира. Знак — предельно экономичен. Он всегда перед глазами. Его можно легко переместить в пространстве. Он не подвластен времени. Напротив — сгущает его, сжимая, как пружину, готовую прорваться в будущее.

Географическим картам в этом ряду знаков принадлежит особое место.

Они дают ощущение полёта, надмирности. Это чувство подобно тому, что возникает в горах в яркую, солнечную погоду. Эффект необычайно резкого, контрастного видения делает близким и осязаемым даже то, что лежит у самого края горизонта.

Карты продлевают миг парения над Вселенной, которая стягивается до небольшого, легко обозримого драгоценного пергамента, лежащего на ладони. Взгляд на карту становится равносильным взгляду на мир с высоты Олимпа.

Однако чувство богоравности человек испытывает не только глядя

на карту, но в ещё большей степени — создавая её. Набрасывая контуры мира, он, вслед за Богом, воссоздаёт из пустоты. Создаёт космос — даёт жизнь рекам и направляет их течение; вздыбливает горы, умозрительно определяя их высоту; перемежает степи с пустынями, милосердно акрапляя райские оазисы в их безжизненные просторы; разбрасывает на плоскости кружочки городов и поселений; отмечает моря и океаны, придавая их контуру весьма экзотические очертания.

Но всё же картограф не Бог, а всего лишь мудрец. И его рукой водят не только те сакральные истины, в которые он посвящён, но и те глубинные идеи и верования, которые определяют его эпоху. В них он живёт, в них он движется и является ими. Он слит с ними. Они — это он. Они меняются от века к веку, с ними меняется и картограф с его представлениями о мире. Потому-то так резко отличны древние карты от современных.

Эволюция картографии подобна эволюции живописи. С той лишь разницей, что картография из всех жанров выбрала самый интимный — портрет (карта — портрет Земли), а за точку отсчёта взяла абстракционизм. Живопись и картография — два разнонаправленных вектора. История первой заключается в перемещении внимания с объекта на субъект; с внешней реальности на внутреннюю, субъективную, а затем и на интросубъективную. История западноевропейской живописи легко укладывается в простую схему: сначала изображались предметы — по возможности наиболее полное подобие увиденному (реализм); потом — ощущения, рождённые внезапными впечатлениями от внешнего мира (импрессионизм), и, наконец, в XX веке — идеи (авангардная живопись).

В картографии всё наоборот. Развитие идёт через эти же узлы, но в обратном порядке. Современные карты почти не ассоциируются у нас с живописью. Скорее с технической документацией, предельно точно фиксирующей земные просторы. То есть максимально соответствующей реальности. Древние же карты воспринимаются иррациональным знаком, открывающим перед нами космические пространства супрематической вселенной.

А древние восточные карты легко удовлетворяют приверженцев любого самого радикального авангардистского манифеста XX века. Их мир не имеет прямых аналогий в реально существующем. Их образы — это реальность вторичная или реальность идеальная. Здесь совершенно иные взаимоотношения и громадных частей Вселенной, и более мелких явлений и связей, находящихся в круге представлений человека. Здесь господствуют иные способы познания, и здесь главенствует интуиция, незримо устанавливающая свои законы.

Если анализировать любую карту с точки зрения формального искусствоведения, то придётся признать, что перед нами жёстко выстроенная конструкция. В основании её далеко не реальные взаимоотношения формы и цвета, совершенно не реальный масштаб. Напротив, всё сведено к условной схеме, в которую плотно вписаны прямоугольники, треугольники, квадраты и круги.

Но геометризм древней восточной карты не статичен — формы подчинены неким силовым линиям, дающим вес, скорость и направленность движению абстрактных фигур.

Повинуясь их энергетике, круто выгибается линия Персидского

залива; реки вычурностью своего контура напоминают изнеженную орхидею; горы превращаются в подобие сжатой пружины, втиснутой в заданный квадрат; очертания морей прорастают прямоугольными зубьями.

Геометрические формы оживают, оборачиваются небывалой динамикой, преодолевающей гравитацию и разрывающей плоскость древнего пергамента.

Изящная арабская вязь, разметавшись по карте, словно стая испуганных птиц, привносит с собою особую изысканность и лёгкость, смягчая стилистику геометрических структур.

Интуитивный разум пытается рационально вычислить мир, но создаёт некую загадочную стихию, некий предмет поклонения, концентрирующий в себе великую силу и заведомо данную истину.

Карта и картины — разные миры. Полной аналогии здесь нет и не может быть. Хотя бы потому, что карта в силу своего назначения — утилитарна, живопись же изначально была связана с миром духа. Хотя ранние карты — с большей или меньшей степенью убедительности — можно сравнивать с супрематической живописью, а более поздние — с восточной миниатюрой.

Вот карта Ал-Истахри...

Невероятной красоты огромные деревья, превосходящие размерами города, горизонтально лежащие на поверхности земли причудливые горы, напоминающие стремительные грохочущие водопады, и красочные розетки многочисленных портов.

А то вдруг плоскость карты прорывается своеобразными информационными поворотами — и мы видим миниатюрные модели прибрежных городов-крепостей, причём картограф представляет их с нескольких точек зрения, создавая иллюзию кругового обхода.

Миф обретает зримые очертания — легендарные персонажи действуют в реальном картографическом пространстве. Море, внушавшее людям Востока ужас, воспринимаемое ими миром враждебным, сопряжённым с чрезвычайной опасностью, повинувшись воле картографа, скрывает в толще вод сумрачных своих обитателей. Три золотых солнечных диска утоплены в пучине, и от них, извиваясь и клубясь, несутся ураганные волны...

Повествовательность и декоративность потеснили геометрический схематизм, но ненадолго изменили прежние представления о Вселенной.

Миф, со всеми его нелепостями и абсурдами, с его гротесками и смещением пропорций, с его беззаботной непоследовательностью и невероятными вариациями, не только не смущает человека как нечто немыслимое — напротив, бессознательно воспринимается как данность. Миф священен...

Впрочем, морские путешествия — удел ещё немногих; средние века — эпоха пеших и конных странствий. Время, кишущее путниками. Согбенные, но неутомимые, вооружась посохом в форме греческой буквы тау (он быстро станет символом дальних странствий), они плутали по извилистым дорогам Востока и Запада, — отшельники, паломники, торговцы, нищие, больные...

Путешественники искали край чудес, где воочию можно было увидеть сказочные богатства — китайский шёлк, чёрное дерево, топазы, рубины, драгоценные металлы. Или же, если повезёт, —

удивительное дерево, плоды которого принимали образ юных пери. Сорванные с ветки, они неизбежно погибали, но в их объятиях странники испытывали ни с чем не сравнимое блаженство...

Другую сладкой мечтой была река, вытекающая из земного рая и несущая в своих водах редкие пряности: имбирь, ревень, алоэ и корицу.

Неведомое обрастало чудесными легендами, переходило в предания и неудержимо манило к себе.

Многочисленные "Книги чудес" — бестселлеры того времени — и рассказы бывалых путешественников вдохновляли, подогревали мечты. И карта делалась верным спутником всех странствующих.

Теологические концепции вдохновляли географию и картографию. Для христианского мира "пупом" Земли был Иерусалим; для мусульман — Мекка. Это отразилось и в географическом противостоянии: каждая часть земли отождествлялась с определённым религиозным пространством, и реальностью был лишь тот мир, где исповедовалась близкая картографу религия. Мир раскололся надвое.

Барварская Европа в своей надменной уверенности презирала и осуждала тот мир, который её вскармливал и обучал в течение долгого времени. А мудрый Восток, убелённый сединами, предпочитал не замечать "несвоих". Каждый обозревал Землю со своей колокольни.

Но общим и на Востоке и на Западе было отношение к картам — необычайно почтительное, трепетное, почти священное. Причина этого, с одной стороны, конечно, в том, что карты исправно играли роль честного проводника и мудрого наставника в тяжёлых странствиях. С другой — что они рисовались на дорогом, тщательно и тонко выделанном пергаменте или же на отполированной агатом и хрустальным яйцом бумаге. Безупречная каллиграфия, изысканная орнаментация полей, миниатюрные вставки, рисунки жидким золотом и розбрызгом — всё это делало карту не только духовной, но и материальной ценностью. И ещё: со времён туманной древности человечество испытывало перед картами атактистический страх. Ибо любое отображение тобою исследованной, а значит, в каком-то смысле, и принадлежащей теперь тебе земли потенциально и неизбежно становилось яблоком раздора. Связь картографии с геополитикой ощущалась интуитивно. Древняя игра в бисер и сегодня, случается, по той же причине наполняется пугающим смыслом, теряя при этом свою поэтичность и наивность.

...Холодное солнце джумада 466 года Хиджры прощально ласкало вечерний Багдад. Ленивые отблески его прихотливо выхватывали из подступавших сумерек затейливую вязь арабских слов. Трёхлетний труд — грандиозный словарь тюркских языков — был закончен. Махмуд ал-Кашгари мог быть вполне доволен собой — его "Диван лугит ат-тюри", вобравший в себя богатейший материал по лингвистике, истории и этнографии тюрков, напоминал магический кристалл, волшебные грани которого являли миру различные пласты духовной и материальной культуры тюркского мира. Но рукопись, которую мудрец задумал поднести халифу ал-Муктади, требовала ещё одного важного дополнения. Не хватало карты, которая сделала бы видимым тот образ мира, что сложился...

Яркие краски, наносимые ал-Кашгари на дорогой пергамент в лучах заходящего солнца, складывались в изысканные графические арабески — знаковое воплощение присвоенного человечеством Бытия. Идеально ровные красные полосы гор, жёлто-зелёные волнистые линии степей и пустынь, серо-синие ниточки рек и изумрудные впадины морей, светло-жёлтые кружочки, обозначающие области, города и народы, разместились в огромном круге, со всех сторон окаймлённом мировым океаном.

Ал-Кашгари совсем не стремился изобразить на своей карте все известные ему сведения. Она была задумана всего лишь как иллюстрация к словарю; тюркский этнос интересовал его больше мировой географии: "Из названных гор, пустынь, рек, источников и водоёмов я упомянул лишь те, которые находятся в областях ислама; так как их часто произносят, я упомянул их из-за их известности, большинство же я оставил в стороне... Из того, что лежит в областях язычников, я назвал только часть и отказался перечислять остальные, т.к. их бесполезно упоминать".

Вскоре, однако, листая древние манускрипты в книгохранилищах Багдада, в ту пору бывшем розой ветров торговли и путешествий, ал-Кашгари изменил концепцию своей карты. Ему захотелось создать карту мира подобную той, что украшала собой роскошный "Атлас ислама", составленный в X веке.

А может быть, идея создания для нас непривычной, круглой карты мира вовсе не принадлежит ал-Кашгари? И её автор — другой человек? Ведь для того, чтобы графически воплотить свои идеи, Махмуду Кашгарскому вовсе её не требовалось. Но, однако, карта была создана.

В самом центре её, вместо Мекки и Иерусалима, оказался основной, с точки зрения составителя, политический центр — Баласагун — блистательная столица караханидов, чуть позже кара-китайских гурханов.

По словам ал-Кашгари, она была построена тюркским царём Шу.

Но где находится этот город и пески какой пустыни сокрыли его величественные развалины — до сих пор с абсолютной точностью не определено. Возможно, Баласагун — это древнее городище Ак-Пешин, один из многих полураспавшихся холмов ("тепе", как их называют местные жители), затерявшийся в испепелённых зноем степных просторах неподалёку от полуразрушенной таинственной башни "Бураны". А может быть, руины этого города сокрыты в ущелье — одном из многих, лежащих на пути от Кучи до Аулие-ата (Джамбул). Согласно древним китайским хроникам, именно там, к югу от реки Суй-ше (р. Чу) находился и процветал "город генерала Пей-ло", превратившийся в результате долгих метаморфоз в Баласагун.

Был заполнен и пустовавший в круге западный сектор, правда, чисто условно, взаиморазграничивающимися линиями (в центральной части и восточной половине карты области обозначались светло-жёлтыми кружочками). К тому же ни одно из названий, помещённых в западной части карты, не встречалось в словаре ал-Кашгари.

Разгадка этой, ничем не оправданной оригинальности самой старой турецкой карты, возможно, в том, что рукопись, обнаруженная в 1914—1915 гг. в Национальной библиотеке Стамбула, не является

первоначальной редакцией тюркского словаря ал-Кашгари, а представляет лишь точную, по словам переписчика, копию с протографа. Таким образом, в истории о древнейшей арабской карте помимо автора Махмуда ал-Кашгари появляется ещё одно действующее лицо — неизвестный Переписчик, живший в XIII в. Последний, сообразно представлениям своего времени, подкорректировал рукопись XI в.

Собственно текст, вероятно, не претерпел особых изменений, зато карта подвергалась значительной переработке. Переписчик опустил многое из того, о чём говорится в тексте, не используя всех сведений ал-Кашгари (например, на карте не отмечены упоминаемые автором территории Византии и Тибета), зато добавил новые сведения, которые, по-видимому, отсутствовали в протографе (области Ирана, ближнего Востока, Северной Африки).

Вряд ли сегодня возможно реконструировать первоначальный вид карты ал-Кашгари и узнать, являлся ли он её автором (что маловероятно). Но за существующей картой скрывается старая; за цветной штукатуркой — древняя фреска. Отделить одно от другого сложно, да и едва ли необходимо. Достаточно констатировать, что словарь ал-Кашгари и приложенная к нему карта являются памятником двух временных срезов — XI и XIII вв.

Несмотря на то, что константинопольская карта занимает вполне независимое положение в средневековой мусульманской картографии и имеет своё, особое лицо, отличное от китайских, арабских и индийских образцов, всё же можно говорить о взаимодействии различных традиций восточной картографии и по отношению к нашей карте.

Плоскостность, условность и внутренняя замкнутость характерны для всех без исключения средневековых карт Востока и Запада. Особый изысканный схематизм, графичность, стремление к геометризму говорит о том, что автору был знаком арабский картографический материал. Воздействие мусульманской, иудаистской и христианской эсхатологии прочитывается в определении пределов мира, на краю которого автор помещает мифическую землю народов Гога и Магога (в арабской традиции "Иаджудж" и "Маджудж"), отделённую от цивилизованных народов громадной стеной, якобы построенной Александром Македонским во время походов на Восток. В расположении легендарной страны и стены "Зу-л-Карнайна" на крайнем юго-востоке (вероятно, внутри Индо-Китая) автор отталкивается от труда Аль-Хорезми "Китаб сурат ал-ард" — "Книга изображений земли" (IX в.).

Влияние же тюркской традиции наиболее отчётливо прослеживается в ориентации карты на восток, характерной ещё для орхонских надписей VIII в. Зависимость картографа от мифологических представлений эпохи сказалась и в том, что в самом центре карты ал-Кашгари поместил озеро Иссык-Куль (называя его озером Барсган). На его берегах, по преданию, была родина Тюрка, сына Йафета, мифического предка тюрков.

Но в то же время многие сведения, сообщаемые константинопольской картой, настолько оригинальны, что провести какие-либо параллели с известной в то время географической

литературой весьма сложно. А Эрих фон Деникен в своей книге "Воспоминания о будущем" вообще предположил, что источник информации Махмуда ал-Кашгари иррационален...

Очерчивая границы известного мира, картограф крайними населёнными пунктами на западе называет Андалусию (Испанию), на юге — Сарандиб (Цейлон, воспринимаемый автором как продолжение материка, а не как остров); на севере — Уральские горы и северную зону Сибири. На Востоке же мир ограничен Японией.

По мнению И.И. Умнякова, именно так расшифровывается арабское Джабарка, бывшее искажённым китайским Жи-бень-го, т.е. Японией. Но ведь, по авторитетному свидетельству И.Ю. Крачковского, самое знакомство арабской географической литературы с Японией сомнительно.

Интересно и предположение картографа о том, что к югу от Андалусии (там, где в действительности, возможно, располагались страны южнее экватора) находится необитаемое "из-за чрезмерного зноя" пространство. Столь же пустынен и крайний север — на карте нет ни одного географического имени, а только надпись: "ни одна тварь не живёт там из-за чрезмерного холода".

Карта подробно повествует и о Центральной Азии, со странами которой Махмуд ал-Кашгари был знаком не только по книгам, а на основании непосредственных наблюдений и по многочисленным изустным рассказам. Несмотря на безусловную ценность подобных сведений, это обстоятельство весьма осложнило идентификацию 104 названий, отмеченных на карте, которые, с большей или меньшей вероятностью, атрибутировались разными исследователями.

Внутри карты — Каспийское море (автор называет его морем Абескуна, или морем Булгар) и озеро Балхаш. Справа в Каспийское море впадают две реки, одну из которых картограф называет Джейхуном (Амударья), имя же другой упомянуто только в тексте — Ходженд (Сырдарья). Слева — река Атил (Волга с притоком Камой) и её рукав, под которым арабские географы подразумевали Дон. Возможно, подобные неточности объясняются воздействием на ал-Кашгари какого-нибудь более раннего географа, так как его современникам было известно о существовании Аральского моря.

Столь же смутное представление имел автор и о течении рек Сибири, заставляя их впадать в единый внутренний водный бассейн — Балхашское озеро. Дополнительные сведения по лимнологии автор помещает в тексте, где есть названия других озёр, не обозначенных на карте.

Махмуда ал-Кашгари интересует лишь "область тюрков", под которой он понимает пространство от Узгента до Сина (Китая) и от Рума (Византии) до Сина. Величину её он определяет в 5000 фарсахов длины и 3000 фарсахов ширины и тут же говорит, что изобразил её на географической карте, чтобы "все об этом знали".

В пределах обозримого ему мира учёный обозначает горные массивы, проявляя при этом прекрасную осведомлённость о Центральной Азии и меньшую — о горах Востока, Индии и Восточной Европы. На карте при этом он показывает только пик Адама на острове Цейлон (согласно древнему преданию Адам — после его изгнания из рая — впервые именно здесь одной ногой ступил на землю, а другой в море) и горы

Караджук; вернее всего будет их отождествление с горами Каратау, ибо ещё при монголах и тимуридах эти отроги назывались Карачук.

Щедро обозначены на карте горные перевалы, ведущие к родному городу ал-Кашгари. Мудрец не только их называет, но и сообщает массу сведений о характере каждого; так, перевал между Ферганой и "областью тюрок" у него, например, отмечен предостерегающей пословицей: "Покуда не придёт чёрная нужда, не переходи перевал Кара-Йилга". В географической литературе наших дней известна река Кара-Джилга, впадающая в озеро Кара-Куль северной части Памира. И, может быть, перевал этот надо искать где-то поблизости.

Столь же подробно ал-Кашгари повествует и о пустынях, которые на карте обозначены словом "рамаль". Сориентированные по сторонам света, они мертвящим поясом охватывают почти всю карту: на востоке распахнули свои смертоносные объятия пустыни северной Монголии, на западе, вероятно, имеется в виду Туркменская впадина или Каракумы, на севере — киргизские степи, а с юга к "области тюрок" подступает пустыня севернее Тибета, безжизненная и мрачная.

Не обделены вниманием и города. Их автор обозначил кружочками. И хотя большинство из них — безымянны, карта всё же сохранила нам многие названия. По верхнему течению Сырдарьи хаотично разбросаны Узгент, Касан, Куба, Маргинан, Ходженд. Причём, Узгент назван столицей Ферганы. Обозначен на карте и Самарканд. В словаре Махмуд Кашгарский называет его "Семизкенд" — именем, которое мог носить только сказочно богатый и процветающий город.

Бухара на карте не показана вовсе. Возможно, это прихоть переписчика, потому что в тексте словаря она встречается неоднократно. Среди других городов, обозначенных на карте, упоминается и Ташкент, названный Теркентом, — именем, которое не употребляется в других литературных источниках.

Но более всего ал-Кашгари занимали этно-лингвистические проблемы. Мудрец разделил все тюркские народности на две группы. В северную он включил печенегов, кипчаков, огузов, йемеков, башкиртов, басмылов, татар и кыргызов. В южную группу по его классификации вошли чигили, тухси, йагма, чаруки, джамулы, уйгуры, тангуты и ыграки. Далеко не все они были обозначены на карте. Возможно, это опять недочёт переписчика, а может быть, ал-Кашгари считал, что его словарь даёт исчерпывающие сведения о тюрках и перегружать карту не имеет смысла, а лучше указать инородцев, с которыми приходилось соседствовать "области тюрок".

К северо-западу от Каспия кружочками обозначены поселения русов, которых к этому времени там уже на самом деле не было. В XI в. русские были отрезаны от Каспия и Чёрного моря, а южнорусские степи занимали кыпчаки. Но об этом Махмуд Кашгарский, видимо, не знал — мир не был обозрим тогда в каждой своей точке, а более ранние источники, к которым учёный-картограф обратился, лживо сообщали ему устаревшие сведения. Вслед за русами на карте он перечисляет племена славян, варанков (варягов), печенегов и маджусов (норманнов).

В районе озера Балхаш учёный разместил степи башкир, татар, басмылов...

И факт их "появления", и то, как они были сориентированы относительно друг друга, кто и с кем соседствовал, — весьма важны.

Таким образом, древнейшая карта представляет собой своеобразную квинтэссенцию знаний тюркского мира XI столетия.

Первым, кто обратил на неё внимание, был К. Миллер, составивший себе известность очень солидными трудами по картографии древнего мира и средневековой Европы. Арабскими картами он заинтересовался уже на склоне лет: первый выпуск труда "*Maprae arabicae*" (1934) вышел в свет, когда его автору было восемьдесят два года.

Несмотря на то, что материал он собрал колоссальный, работа содержала немало крупных ошибок; не зная языка, Миллер изучал карты в отрыве от сопровождающего их текста, пользуясь для дешифровки надписей помощью не всегда авторитетных арабистов.

В 1935 г. карту вновь переиздал и прокомментировал А. Германн, знаток исторической географии Китая и отчасти Средней Азии. Его статья, небольшая по объёму, была написана вдумчиво и внимательно, но он, вслед за Миллером, почти не обращался к тексту ал-Кашгари и сравнительно мало пользовался параллельными арабскими материалами.

Следующим и, пожалуй, лучшим интерпретатором константинопольской карты стал И.И. Умняков. Ученик В.В. Бартольда, непревзойдённого виртуоза формального анализа средневековых мусульманских письменных источников, постарался понять весь материал, доставляемый картой в системном анализе. Его взгляд на рукопись и приложенную к ней карту — это взгляд не извне, быстрый и поверхностный, а изнутри. Скрупулёзное изучение не только самой карты, но и всего сочинения Махмуда ал-Кашгари с привлечением всей известной арабской и персидской литературы, читаемой в оригинале, дополнялось и теми знаниями, что были накоплены И.И. Умняковым на протяжении нескольких десятилетий разнообразной научно-исследовательской деятельности по изучению прошлого Средней Азии.

Тюркский мир был знаком ему как никому другому: основательное образование, полученное в Петербургском университете, дало ему прекрасное знание не только восточных языков — арабского, персидского, турецкого, но и западноевропейских — английского, немецкого, французского и итальянского.

Годы, проведённые в качестве драгомана — переводчика — в российском полпредстве в Бухаре, свободное владение узбекским и таджикским языками, близкое знакомство с особенностями Востока; деятельность в Среднеазиатском музее, связанная с многочисленными экспедициями, "оживили" книжные знания по исторической географии Средней Азии...

И всё же...

Старая карта — это умозрительная магическая формула Бытия. Это миф о мире, полный самого глубокого и священного смысла. Возможно, он выражает какие-то тайные связи, которые никогда нельзя будет описать с точки зрения нормальной логики, ибо самое появление карты на земле — иррационально.